

Литературный конкурс «Иду на грозу»

Елена АХМЕРОВА

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Эссе

Вы верите в то, что желания, записанные на бумаге или произнесенные спонтанно, имеют свойство сбываться?

После окончания десятого, тогда выпускного класса, мы написали, кем себя и одноклассников видим через десять лет. Все эти записочки одноклассников хранились у меня, запечатанные в конверте. Мне было вовсе не интересно даже думать о предсказаниях — жизнь была ключом: университет, замужество, ребенок, работа... Через десять лет я буквально остолбенела, прочитав свое письмо себе: «Хочу учить детей литературе!» Именно так, с восклицательным знаком в конце одной-единственной фразы. На тот момент я уже пятилетку отработала в одном из лучших колледжей большого города преподавателем русского языка и литературы, точно по специальности моего диплома, вела клуб авангардного кино и литературный кружок.

И второй фокус. Тогда еще принято было, приступая к работе в новом коллективе, «проставляться», чтобы сразу познакомиться. Ничего дурного не подумайте, это было так: два салата, бутерброды с колбасой и торт; а еще проигрыватель «Вега» в моей лаборантской, виниловые пластинки из дома и с десяток женщин среднего возраста. И вот, кружась в вальсе под «Цветочницу Анюту», заместитель директора по воспитательной работе задает мне вопрос: кем я бы хотела стать в колледже? Смущенно отвечаю: «Наверное, вами». Она усмехнулась, до сих пор не знаю: то ли с гордостью за себя, то ли с недоверием ко мне.

И я стала: сначала заведующей отделением ЭВМ, потом руководителем системы менеджмента качества, а после заместителем директора по воспитательной работе. Сейчас я хочу быть... Да ладно, неважно.

В общем, работала я в образовании успешно и по призванию и ни разу не пожалела о своем выборе.

Как становятся учителями

Насчет педагогики как науки сомнения у меня серьезные. Науке можно научить, а педагогами от чтения книжек и выслушивания поучений никто на моем веку не стал, только уволились многие. Это не то пальто, которое можно снять с чужой вешалки, надеть и шагать в нем радостно. Если человека научить стихотворным размерам и рифмам, это не значит, что он станет поэтом. Так и с моей удивительной профессией.

В школе нас было четыре подружки, все стали преподавателями: две в школе работают, одна — в университете, я — в колледже всю жизнь. Нашей классной руководительницей была Ирина Л. — педагог от Бога. Мы ее не любили, как нечто чужеродное, вторгшееся в нашу жизнь: наша прежняя классная ушла в декрет, когда мы окончили пятый класс, и мы никак не могли смириться с утратой. Для детского неприятия этого вполне достаточно. Позже мы с Ириной Л. говорили об этом и я рассказала, что кличка у нее была Иринушка. Она удивилась — так ласкательное же. В старших классах мы ее понимали, ценили, уважали, но по-прежнему не любили. Однажды прочитали на форзаце ее записной книжки: «Их, даже умерев, нельзя отдать», — это было про наш класс, она нами дышала. Парни жалели, что у нее нет мужа, который бы ее отвлек от нас, девчонки сетовали, мол, собственных детей надо воспитывать и оставить нас в покое. И муж, и дочь появились в ее жизни позднее, когда она переехала в другой город, но сейчас не об этом.

Каждый урок Ирины Л. был высшим пилотажем по любым меркам. Литературу знали все. Однажды двое ребят повздорили и один троечник другому, рыжеволосому, кинул с вызовом: «Заговорила, роща золотая!» Вошедшая на этом моменте Ирина Л. с трудом сдерживала смех, мы хохотали всем своим литературным классом вместе с рыжим.

У нас была нежная, как цветок, ботаничка, подрабатывавшая в теплице; сильная и резкая математичка, ходившая всегда в белых сапогах; физичка, о которой говорили, что она на фигурных коньках выносит мусор; эрудированная историчка, завалившая всех претендентов на золотые медали четверками по обществознанию, потому что даже она, по ее словам, не до конца понимала смысл материалов XXVII съезда КПСС. Да и все остальные были замечательные! Наша учительница начальных классов, которую мальчики на встрече выпускников называли уже просто Таня, на уроках рисования и труда тайно ставила нам новые, только что купленные пластинки Пугачевой и Леонтьева, вызывая в нас бесконечное доверие.

У учителей в прошлом обязательно должны быть хорошие учителя, иначе никто не захочет идти в профессию! И случайных людей в педагогике не бывает — совсем не та профессия, чтобы ринуться туда без убеждения и яростного желания сделать мир лучше.

Если бы вы знали, как стремятся выпускники нашего колледжа остаться в нем преподавать! Отличники, конечно, больше стремятся.

Кстати, из наших старых педагогов почти все медалисты и краснодипломники. Но троечники дольше остаются в профессии и объясняют материал доступнее.

Как меняются дети, а также их родители

...Истории услышать не хотите ли?

Год 1992-й. Шестнадцатилетний юноша на уроке литературы выходит в туалет, возвращается без кожаной куртки (которой неизмеримо гордился, поэтому не снимал даже в майскую жару) и со сколотым зубом. Охранников тогда еще в техникуме не было, видеокамер тоже; ключница баба Маша, ветеран Великой Отечественной войны, дремлет в подсобке. И вообще — суббота, последняя пара, никого из администрации уже нет. Несколько парней из группы решают догнать обидчиков товарища, чтобы вернуть ему куртку. Я отпускаю не раздумывая. Возвращаются грустные: догнали около гаражей, но ребята серьезные оказались, наши не справились. Досадую, что не побежала с ними — задавила бы интеллектom. Всем жалко куртку больше, чем зуб. Продолжаем урок.

Год 2022-й. Утром звонит разъяренная мама второкурсника, угрожает полицией, министерством образования и репортерами. Вчера в колледже ее сыну порвали рубашку — в драке перед занятием по программированию. Требуется наказать обидчика. Приглашаю приехать в колледж, разобраться. Бросаю министерские отчеты, иду в группу вместе с классным руководителем. Да, конфликт, да, была драка. Все видели. Вызываю маму обидчика, которая требует предоставить запись камер видеонаблюдения, свидетельствующую, что ее сын порвал однокласснику рубашку. Сажу час с охранниками — находим и записываем на флешку момент драки. В кабинете заместителя директора по воспитательной работе места совсем немного: юноши, каждый со своей мамой, сидят друг напротив друга. Дети — на самом деле высоченные недоросли — виновато молчат, а мамы ругаются на чем свет стоит. В какой-то момент одна дергает другую за рукав, показывая, как была порвана рубашка. И тут начинается драка. Дети в ужасе, просто окаменели. Я стараюсь вытолкнуть разъяренных женщин в коридор под видеокамеру, всерьез опасаясь удара в глаз. Успокоились немного, требуют собрать свидетельские показания, так как камера без звука и непонятно, кто из детей что говорил в момент конфликта. Классный руководитель просит всех в группе написать объяснительные записки по поводу инцидента. Все пишут примерно одинаково: оба хороши, нет правого. Мамы, начиная конструктивно мыслить, настаивают на разведении детей по разным группам во избежание дальнейших ссор. Соглашаюсь, рекомендую поработать с психологом колледжа. На следующее утро приходят оба парня, просят никого из них не переводить в другую группу. Говорят, что вчера еще помирились, когда мам около моего кабинета ждали. Хочется смеяться, но нельзя — воспитательный процесс. Прошу написать заявления

о том, что хотят остаться в своей группе, обещают не конфликтовать, и настаиваю на ходатайствах матерей в поддержку заявлений. Все заканчивается хорошо.

Вот так дети за эти тридцать лет постепенно стали другими, меняясь вместе и с родителями, и с нами — педагогами, и со всем миром; не лучше, не хуже стали — просто другие.

Мальчики, девочки...

Прежде они через двадцать минут после начала занятия начинали болтать друг с другом, сейчас — утыкаются в телефоны (как, собственно, и преподаватели на педсоветах). Раньше неприличные слова про учителей и одноклассников писали на партах, теперь то же самое делают в соцсетях, придумывают разные мемы, постят видео, провоцируя конфликты и создавая неловкие ситуации. Раньше ребята сверяли все, что скажет учитель, с опытом своих друзей во дворе, сегодня — с информацией от ведущих блогеров. Раньше мы переживали из-за причастности наших детей к субкультурам готов, эмо и особенно скинхедов, сейчас все еще на повестке «Синий кит» и совсем непонятно, что делать с ребячьими поисками половой идентификации.

...Красивый юноша Ян: длинные черные волосы, стройный, модный, учится на дизайнера. Приходит с покрашенными синими ногтями, демонстративно подает мне свою практическую и пристально смотрит мне в лицо. «Красивый лак», — говорю бесстрастно и иду дальше между парт, собирая работы. На следующей неделе Ян приходит с покрашенными глазами и так же ждет реакции. На языке вертится слово «перебор», но страшно ошибиться и что-то — возможно, важное — испортить. Вспоминаю в этот момент один из первых больших концертов Вячеслава Бутусова в 1987 году — в свердловском Дворце молодежи, куда билеты раздавали через комсомольские организации. Семьдесят процентов зала — комсомольцы; они, оскорбленные внешним видом покрашенного по западному образцу Бутусова, в кулуарах долго и громко недоумевали... После пар иду к классному руководителю. Выясняется, что мальчик живет с папой. Мама два года назад уехала в Америку искать свою судьбу; папа, занятый личной жизнью, оплачивает учебу сына. Прошу уговорить отца пообщаться с психологом: ясно, что Ян прежде всего привлекает внимание папы. Не получается: отцу не до этого, да и сын хорошо же учится — что еще вам всем надо?

Ян хорошо сдал мой экзамен в зимнюю сессию, я забыла о нем и не видела больше месяца. И тут происходит нечто из ряда вон! Прибегает заведующая отделением: Ян в коротеньком платье и сетчатых колготках дефилирует по главному холлу колледжа, шокируя всех. Прибегаю в холл, не осознавая еще, кого надо спасать: Яна или публику вокруг. Но никого уже нет. Охранник говорит, что мальчика вывел руководитель нашего патриотического кружка. Довел за шкурку до автобусной остановки и отправил домой. Звоним папе. Тот вроде осознает

серьезность ситуации. Но в итоге он, оказывается, просто вызвал врачей и отправил сына в психушку, забрав документы из колледжа. Боль моя...

Другая история заканчивается хорошо, но я, думаю, по-настоящему не доросла до ее понимания. Милая умная девочка всегда тусуется с мальчиками и просит, чтобы ее называли Леша, потому что по сути она чувствует себя юношей. Очень хорошо учится, в коллективе ее уважают, из полной семьи. Иногородняя, постоянно где-то подрабатывает вечерами. На третьем курсе нашим ребятам исполняется всем по восемнадцать. После каникул девочка, заселяясь в общежитие, требует мужскую комнату. Говорит, что уже сделала операцию по смене пола. Во всех непонятных для меня ситуациях поступаю, следуя формальным правилам: будут документы с мужским именем — заселим в мужскую комнату. Через месяц документы готовы, Алексей переселен к мальчикам. Полколледжа, наверное, знали об этой истории и, что удивительно, на эту тему я не слышала ни сплетен, ни осуждающих слов. Даже преподаватели в этой ситуации тихо задумались и не высказывались.

Вот и в каком учебнике по педагогике есть технологии воспитания в таких ситуациях?

Кстати, педагоги тоже не всегда знают, как лучше поступить в отношении собственных детей.

Вспоминаю, как моя дочь попросила перевести ее в другую школу. Сказала, что ее обзывают в классе лохушкой. На родительских собраниях пожилая учительница в целях педагогического образования родителей очень хвалила одну девочку и домашнюю систему ее воспитания. Выступила перед нами мама этой девочки, рассказала: у них в семье все оплачивается. Получила пятерку — держи денежку, мусор вынесла, прибрала в квартире — еще заработала и тому подобное. Очень хотелось спросить эту маму, какие у нее расценки во взаимоотношениях с папой. Сдержалась. Но поняла, что дочь нужно точно переводить.

И жалею сейчас, что не устроила скандал в этой школе и не пообщалась с родителями этих крутых восьмилетних девчушек. Своих детей обязательно надо защищать! И на самом деле хорошо, что родители сейчас въедливые. Когда дети чувствуют поддержку, они увереннее идут по жизни. Быстро меняющейся жизни.

Подростки, как и каждый человек, хотят безусловного принятия себя другими, особенно родителями, и много-много-много любви. А проблемы у них не детские вовсе.

И как частенько говорила на педсоветах умница директор нашего колледжа, других детей у нас не будет.

Современные дети — это не проблема педагогики! Это ее наивысший смысл!

Учителя «с затеями» и «без затей»

Знаете, как бывает с начинающими педагогами: готовишься полночи к занятию и выдаешь все, что запланировал, задолго до звонка. И самый простой вариант в такой ситуации — дать выполнять практическую

работу или контрольную внеплановую. Потом полночи проверять — наставить кучу двоек, после разрабатывать завтрашний урок... А назавтра опять то же самое, даже хуже — нужно еще на консультации двойки как-то исправлять. Дети ничего не понимают, но инстинктивно требуют справедливости. А по справедливости — необходимо менять подход, но молодой учитель этого пока не знает.

Бенчмаркинг¹. Модное слово сегодня. Когда я после трех недель бессонных ночей и пропитанных самоуничижением дней пошла на урок к коллеге, это было не по осознанному желанию, а просто по требованию председателя цикловой методической комиссии гуманитарных дисциплин: раз в месяц необходимо было сдавать лист взаимопосещения. Выбрала педагога со стажем. В понедельник — иду.

Занятие по русскому языку. Педагог объявляет новую тему, но начинает с проверки домашнего задания. Материал сложнее — суффиксы в причастиях, а упражнение больше. Вижу, что ребята отвечают не по тетради, а по учебнику: не готовились — выходные. Уже по первому ответу становится ясно, что правило студент не усвоил. Преподаватель по полочкам раскладывает вызвавший затруднение пример, практически заново повторяя часть пройденного материала. И так почти двадцать раз, до конца занятия. Каждый явно что-то понял наконец, горд собой и других слушает с явным интересом. Домашнее задание — по той же самой теме. Ни одной оценки не поставлено, новый материал не пройден. В листке взаимопосещения пишу, как есть: несоблюдение плана урока и так далее и тому подобное. Учительница подписывает не глядя: такие мелочи ее не интересуют даже. Выхожу в шоке, с чувством какого-то благоговения — вот оно как! А что, так можно было?

К черту планы уроков! Если хочешь получить результат, то необходимо двигаться в том ритме, который чувствуешь здесь и сейчас. Не бывает одинаковых групп, да и все понедельники разные.

Для себя понимаю две вещи: первое — детям нравится быть умнее, чем они были до этого; всем нравится. Второе — не все, что по правилам и по науке, работает на деле.

Взаимопосещения, кстати, бесспорно необходимое дело, причем важно посещение не только лучших педагогов, а разных, худших тоже — тем более худших! Приходишь на урок к учителю и видишь все его «косяки»: где не замотивировал, где поторопился, где сам ответил за студента или непонятно объяснил (простите, я сама ничего не поняла!), потратил время не на то, обидел ребенка мимоходом... Очень поучительно, скажу вам!

И дети всегда нас учат, особенно дети. Понимая, что у меня проблемы с дисциплиной на занятиях, как-то на первом году работы запустила анкету для студентов, где был и такой вопрос: «Почему вы нарушаете дисциплину на уроке?» Один ответ из сотни словно открыл мне глаза: «Вы сами позволяете нам это». На этом месте, кажется,

¹ Бенчмаркинг — способ оптимизации: сопоставительный анализ на основе эталонных показателей.

я поняла, что сама виновата во всем, что происходит на занятиях: задаю массу риторических вопросов, неверно рассчитываю время, много шучу... Главное, я осознала, что только сама ответственна за все происходящее. Сейчас я понимаю, что это значит — руководить процессом. Безусловно, преподаватель просто обязан быть руководителем, это и есть его работа.

Еще очень хорошо помню одно повлиявшее на меня в начале профессионального пути родительское собрание. Моя группа училась уже на четвертом курсе. К слову сказать, кураторство в колледже предполагает ответственность педагога за три группы. Получается, что у меня есть первокурсники, которые отнимают почти все время, второкурсники, зачехшие на сложных спецпредметах, и старшенькие — выпускаются в этом году. Уроки в старшей группе уже не веду: ребята на переменах прибегают, еще ходим в театр и в походы. Но надо проводить плановое родительское собрание. Явка обязательна, а что говорить родителям, даже не знаю: процесс идет своим чередом, дети адекватные, сессию почти все сдали. С родителями «должников» отдельно уже встречались. Что делать?

Приглашаю на родительское собрание ведущего педагога по спецпредметам — стаж тридцать лет, бывший производственник, руководитель преддипломной практики и просто замечательная женщина. Студенты ее уважают безумно и страшно боятся. И тут я испытываю потрясение: она садится за стол и спокойно, по списку присутствующих, начинает рассказывать родителям про их детей. Примерно так: «Василий в этом семестре посещал плохо, но зато, хоть со второго раза, на права сдал; молодец, что не бросил, долгов — море, но разберемся; хорошо, что девочка у него постоянная появилась, замечательная девочка, тоже у меня учится, спуску ему не даст; Иван...» Родители слушают со слезами на глазах, некоторые понимают, что нечто важное и неожиданно-хорошее узнали о своих детях сегодня впервые... А я? Мне двадцать три года, я пока так не могу... и строчу ведомость успеваемости ребят первого курса.

Мы же все хотим, чтобы наш работодатель учитывал наши личные проблемы? Безусловно! А дети тоже люди, и, помимо учебы, перед ними весь мир. Велик тот учитель, который видит в ученике человека!

Меня порой, конечно, напрягали и даже пугали некоторые наши педагоги. То я вижу, как дети минут пять стоят, вытянувшись в струнку, рядочками между парт (дисциплину так нарабатывали), то слышу от учительницы литературы, что ей после рождения детей совсем читать некогда, уже три года как ничего не читала; то дети жалуются, что их тупыми назвал преподаватель на занятии... Но знаете, что вам скажу — эти мои коллеги тоже замечательные: первая литературный клуб после меня подхватила и детей не растеряла, вторая каждого ребенка берегла от отчисления, как своего собственного, за руку по консультациям водила; а третья такие проводила замечательные внеучебные мероприятия по специальности, что дети после уроков до ночи засиживались у нее в кабинете. Еще была у нас одна: по мне, так скучная, злая, классного

руководства не брала... А потом кто-то из ребят мне сказал, что это его любимый учитель, потому что преподает предмет, не поучая и не нарушая личное пространство. Вот так! Другая моя коллега запоем читала биографии поэтов и писателей, транслировала каждый урок свои знания и впечатления, но выпускники ее больше помнят и благодарят за то, что она научила их... чистить обувь.

И я поняла: очень здорово, что мы такие разные все — ведь дети тоже все разные. А всем понравиться невозможно. И чем более мы разные, тем больше шансов у детей найти своего близкого взрослого и тоже реализоваться в жизни. Мы все — отражение разных сторон того большого мира, к вхождению в который мы и готовим наших детей. А у них не будет ни идеальных руководителей, ни идеальных коллег, ни идеальных подчиненных...

Позднее услышала по этому поводу фразу одного мудрого преподавателя-производственника: «Пусть на нас тренируются пока».

Идеального учителя не существует, каждый учитель уникален!

Педагогическое сообщество: метаморфозы

Вы когда-нибудь ели салат из одного репчатого лука? После моего первого педсовета в техникуме меня чуть ли не насильно увезли на трамвае полужнакомые отважные женщины из нашей цикловой комиссии в гости к председателю. Хозяйка предупредила, что на закуску есть только лук, но лука много — дочь из сада привезла. Не помню: выпивали ли, ели ли лук? Но свежесрезанные головки лежали рядком вдоль окна на газетах. Мы обсуждали книги, кино, спектакли, урожай на даче, рабочие программы и проблемы в техникуме. Так я познакомилась с коллегами и бесповоротно влюбилась в них. Я скучаю по ним. Все уже давно на пенсии, многие уже не в этом мире вообще. Думаю, половина моих высказываний и не моя вовсе, а им принадлежит.

Я поражалась преподавателям математики, которые читают больше, чем я, преподавателям физики, знающим наизусть репертуар всех театров нашего города... Я была молода и неопытна, ко мне относились бережно и нежно. И я чувствовала себя своей среди своих.

Раз в неделю был методический день. О нет, друзья, это не выходной, как сейчас думают преподаватели. Это был замечательный день знакомства с коллегами из других техникумов. Каждую неделю мы, преподаватели русского языка и литературы, собирались где-то, чтобы посмотреть открытый урок, внеклассное мероприятие или обсудить какой-то вопрос. Ощущение собственной важности переполняло: мы совместно творили гуманитарное образование города.

Сама даже не помню, как и когда это закончилось. Наверное, тогда, когда мы с мужем закупили «быстрорастворимую» лапшу коробками и радовались колбасе, презентованной педколлективу нашим бывшим начальником по хозяйственной части, в то время уже успешным бизнесменом. Весьма душевный человек, кстати, был, пока проблемы

с законом не возникли. Праздники нам устраивал с приглашением звезд. Но это другая история.

Все постепенно менялось. Мы долго привыкали к тому, что теперь оказываем «образовательные услуги» и родитель — «заказчик». Поначалу эти слова коробили слух, на педсоветах преподаватели бурно возмущались унижительной новой ролью: прежде мы старались Служить, именно так — с большой буквы. Коммерческих групп набирать стали все больше и больше: это деньги. И учить таких ребят надо, и специальность сложную давать, а двойки ставить и отчислять экономически невыгодно. И вступительные испытания исчезли, и училища, где можно было просто рабочую профессию получить, тоже почти все закрылись. Для бюджетных групп стали вводить дополнительные платные образовательные услуги. На педсоветах постоянно вставал главный вопрос: кто добился полной оплаты от родителей, а кто плохо поработал. Классные руководители поначалу стеснялись напоминать о деньгах, но в итоге смирились с этой обязанностью, а кто-то и отказался навсегда от классного руководства.

Администрация выискивала новые способы заработка в образовании. И непонятно было порой, как язык поворачивается озвучивать новые суммы и откуда берутся такие расчеты. Должность новая появилась — заместитель директора по развитию. Один из таких заместителей сдал на металлолом старое оборудование, которое преподаватели показывали студентам как раритет. Развитие!

Все грустнее и грустнее становились преподаватели. Ведь именно они, один на один оставаясь с группой, вынуждены были отвечать на все вопросы. И объяснять непростые вещи так, чтоб и корпоративная этика была соблюдена, и собственная совесть не замучила.

Прибавьте к этому бесконечно меняющиеся образовательные стандарты и требования к аттестации, ежегодное переписывание программ, ежемесячное заполнение индивидуальных отчетов, родительские собрания, еженедельные консультации и сдача долгов по предметам, посещение проживающих в общежитии, почти ежедневный контроль учебных групп, что под классным руководством, выдачу характеристик... Курсы повышения квалификации, семинары, конференции, ВПР², всероссийские диктанты, форумы, конкурсы... На переменах каждый день то заседания, то совещания, то двоечники, то акции в холле. А еще дома репетиторство ждет.

Кто-нибудь сейчас обязательно вспомнит: зато отпуск два месяца. Но, поверьте, я не знаю ни одного учителя, кроме педагогов-пенсионеров, который в отпуске бы не подрабатывал. Мои знакомые учителя торгуют овощами в ларьке, работают в загородных лагерях, организуют поездки для групп школьников и тому подобное.

Все загружены по уши, измотаны до предела. У меня в воспитательном отделе девочки и мальчики — то есть педагоги мои молодые, — наверное, никогда и семью не создадут. Нет времени у них на себя! Берегу

² ВПР — всероссийские проверочные работы.

их как могу, вместе с ними все делаю — до ночи, если надо. Все равно не успеваем.

Еще важно обрабатывать заявленные гранты, потому что это субсидии, на которые можно материальную базу обновлять хоть чуть-чуть. А потом приплывают «сверху» новые и новые задачи. Обязательные к выполнению. Такое ощущение, что все ведомства и организации города свои планы реализуют за счет нас, преподавателей, и наших студентов. Мы им отчет, а они свой великий отчет составляют — молодцы. Министерство образования десятки писем ежедневно шлет, и что ни письмо, то требование — помимо дела — тысячу бумажек написать, ссылки на сайт и социальные сети указать, фото и видео прикрепить к отчету. И постоянно чувствуешь себя двоечницей. Когда, к какому числу, нужно отчитаться? Ответ: вчера. Так говорят все в нашем колледже сейчас.

Утвердили все программы по воспитанию на каждую специальность, согласовали со студенческим советом, родительским комитетом, на сайте разместили. А ничего, что любое дополнение в программу должно проходить тот же самый путь? И любой родитель вправе задать вопрос: на каком основании несовершеннолетнего ребенка привлекли к мероприятию без моего ведома? Белиберда получается, однако.

Никто не хочет плохо работать. Но чтобы хорошо отчитаться, важно правильно и вовремя писать бумажки и количественные показатели указывать нужные. Иначе при проверке (а они почему-то никогда не заканчиваются) в сотни раз больше придется времени потратить. И задаешься вопросом: для чего вся эта писанина, когда не остается сил со студентами поговорить?

Студенты тоже перегружены. Дисциплин за тридцать лет стало в три раза больше. Многие тратят на дорогу до колледжа час-полтора, ходят по вечерам на тренировки или в кружки, кто-то подрабатывает курьером. Когда наставники-старшекурсники приходят к первокурсникам поделиться опытом, то говорят открытым текстом: на четыре года можете забыть про личную жизнь.

И не хотят уже ребята ни дискотек по вечерам, ни дней именинника, ни в театры, ни в кино. Это раньше я покупала билеты в Оперный сразу на всю группу и потом пару не востребованных друзьям продавала. Сегодня — сначала деньги соберешь с пяти человек, потом двое из них скажут, что не смогут пойти. А трое, что пошли, домашнее задание не выполнят и просят меня предупредить об этом преподавателей. Вот такой культпоход.

Возможностей для самореализации, для хороших дел — тьма тьмущая. Но все больше мы делаем наспех, без глубинного смысла, без души. И остается только усталость. И листки взаимопосещения теперь нужны только перед аттестацией. Получается, раз в пять лет к тебе приходит на занятие целая толпа серьезных коллег; дети всё знают — пробный урок был накануне. Не идеально, конечно, но на первую категорию хватит, и так работать некому.

У нас нехватка педагогических кадров с каждым сентябрем все более ощутима. И ничего, что у наших будущих программистов на выпускном курсе каждый день физкультура — замены занятий, нет нужного «предметника». Смеются ребята, ругаются родители, ищем преподавателя.

Не модно нынче быть учителем. Не идут умные, активные и амбициозные в учителя — либо задерживаются ненадолго. Средняя зарплата учителя в нашем городе за 2023 год — 30 363 рубля, а продавца-кассира — 37 416 рублей. Это нормально? Честь, конечно, дороже денег, но как эту честь-то почувствовать, когда собственное руководство устанавливает диктат, манипулирует нами в непонятных целях и ценит безропотных. Говорит, незаменимых работников нет. Не нравится — увольняйся. «Я устал бороться», — сказал мне один замечательный педагог, написав заявление об уходе.

Не должны учителя быть вымотанными, безмолвными, вечно недовольными, не уважающими сами себя. Ребята это считают мгновенно, и нет доверия такому человеку.

А профессия-то лучшая! И трудиться хочется по призванию и с радостью. И с гордостью говорить: «Я — учитель».

